

Лирическая поэзия Махтумкули Фраги

Category: Kitapcy, Magtymgulyny öwreniş

написано kitapcy | 22 января, 2025

Лирическая поэзия Махтумкули Фраги ЛИРИЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ
МАХТУМКУЛИ ФРАГИ

Наивысшего подъема туркменская лирическая поэзия достигла в творчестве великого Махтумкули Фраги (Праги) (1733–1783). Любовь к Махтумкули туркменский народ из поколения в поколение. В XIX в. известный венгерский путешественник и ученый А. Вамбери, побывав в Туркменистане, писал:

«В высшей степени интересное и неизгладимое впечатление произвели на меня те минуты, когда мне случалось слышать бахши, поющего какую-нибудь из песен Махтумкули во время торжества или простой вечеринки... По мере того как ожесточался воспеваемый бой, певец и юные слушатели воодушевлялись все более и более. Представлялось действительно романтическое зрелище: юные кочевники, тяжело дыша, ударяли оземь шапки и бешено вцеплялись в свои кудри, как бы вступая в бой с самими собой».

Туркмены издавна любили и умели ценить песни бахши, но страстное внимание и любовь к Махтумкули особые. В его стихах впервые с такой живостью, полнотой и сопричастностью отразилась трагедия жизни туркменского народа, его чаяния и думы, скорби и мечты. Соловью – цветок любимый, Мне, Фраги, – народ родимый. Стих мой скромный, стих гонимый, Правнук мой произнесет. («Певец». Перевод А. Тарковского) Литературное наследие поэта составляют в основном песни и газели. Песни созданы в древней народной форме – каждая представляет собой произвольное количество четверостиший, объединенных рифмой по схеме: абаб – вввб – гггб и т.д. В последнем четверостишии стоит, как правило, имя поэта или – иногда – его литературный

псевдоним – Фраги, что значит Разлученный. Общий объем его поэзии не установлен, сохранилось приблизительно 16-18 тыс. строк, часть наследия погибла безвозвратно. Махтумкули писал не только о народе и для народа, но и на языке народа. В его поэзии завершился процесс освоения арабо-персидской поэтики туркменской словесностью. Поэт доказал, вопреки господствовавшему в то время на Востоке мнению, что не только персидский и арабский, но и туркменский язык годен для высокой поэзии. Отношение к Ирану у Махтумкули было двойственным: он ненавидел иранских завоевателей, в плену у которых пережил много тяжелых дней, но чтил властителей дум – великих иранских поэтов, у которых учился мастерству. Элементы чагатаизмов поэт вводил в свои стихи так умело и тактично, что они не затеняли особенностей туркменского языка; это было одной из причин, почему почти бесписьменный народ донес творчество Махтумкули до наших дней. Махтумкули осознавал себя поэтом, отмеченным богом и посланным в мир служить людям. Образно эта мысль выражена в стихотворении «Откровение»:

Предстали мне, когда я в полночь лег, Четыре всадника:

«Вставай, – сказали. – Мы знак дадим, когда настанет срок.

Внимай, смотри, запоминай», – сказали.

Из рук самого Мухаммада поэт принимает чашу, дарующую просветление:

И плоть мою на муки обрekli,

Я выпил все, что в чаше принесли;

Сгорел мой разум, я лежал в пыли...

«Мир – пред тобой. Иди взирай!» – сказали...

Открылись мне далекие края

И тайные движенья бытия.

Так я лежал, дыханье затая.

И, плюнув мне в лицо: «Вставай!» – сказали.

Открыл глаза и встал Махтумкули.

Какие думы чередою шли!

Потоки пены с губ моих текли.

«Теперь блуждай из края в край!» – сказали.

(Перевод А. Тарковского)

Мотив откровения, признания творчества чем-то близким ритуальному акту, выдержанный у Махтумкули в законах мусульманской традиции, был чрезвычайно распространен в восточной поэзии тех лет и в глазах народа придавал поэту особую духовную силу. Почти все великие эпические сказители как бы посвящались в поэты божественным провидением, независимо от их желания и воли. Мечтой жизни поэта было видеть свой народ объединенным, забывшим вражду, свободным от иноземного ига:

Как плоть возврата бытия,
Изведав смертный сон, желает,
Окровавленная моя
Душа иных времен желает.

Фраги недугом истомлен:
Объединителя племен
Прихода благостного он,
В Туркмению влюблен, желает. («Желание». Перевод А. Тарковского)

Творчество Махтумкули проникнуто известным трагизмом. Часть критики склонна видеть в этом отголоски основной доктрины суфизма (а Махтумкули, как многие поэты своего времени, был суфием) – вечной оппозиции действительного мира, как царства зла, иллюзорности и несовершенства, и мира потустороннего – воплощения истинной реальности, справедливости и счастья. У Махтумкули действительно встречаются строки: «Нам смерть шьет саваны, не упуская мига, мы все рабы, ее не свергнуть ига», «Червивый сплошь орех – вот мир ничтожный наш!», «Рай земной – бесплодное дерево», и т.д. Но видеть в них лишь отражение суфийской философии, значит во многом упрощать поэзию Махтумкули. Трагичность его стихов – не только в доктрине суфизма, она в большой степени осложнена драматическими событиями его личной жизни (потеря возлюбленной, смерть сына)

и усугублена судьбой туркменского народа в XVIII в. (племенная вражда, разрушительные и жестокие набеги из Ирана и Афганистана).

Сердце Фраги, ты сегодня в огне:
Павшие в битвах привиделись мне.
Горькую тризну в печальной стране
Песней надежд оглашать не пристало.
(«Не пристало». Перевод Ю.Валича)

Падение нравственности, душевное смятение, охватившее людей, забывших свое героическое прошлое, причиняли Фраги едва ли не большую боль, чем по-суфийски неизбежное отсутствие счастья на земле:

Муж обернулся трусом, рабы – мужами,
Лев обернулся мухой, а мухи – львами,
Темница стала домом, часы – веками...
Пред полчищами рока что делать мне?
(«Нашествие». Перевод А.Тарковского)

В отличие от суфия поэт принимает жизнь со всей ее трагедией и быстротечностью. Фраза: «О лекарь, ласковый Лукман, дай исцеление мне!» – просто риторическая фигура, а не моление мистика о спасении. Быстротечность жизни и несовершенство ее толкают поэта не к чаше вина – вечному забвению дервиша, а к неустанному труду на несовершенной земле:

Добро – не частый гость на этом свете:
Люби его и злу не уступай.
Махтумкули, ты не нашел лекарства
От злобы мира и его коварства.
Настанет срок – сойдешь в немое царство – Ни дня, ни часа
даром не теряй!
(«Наставление». Перевод А.Тарковского)

И хотя человек на земле «не вечен», он должен быть «справедливым и милосердным», утверждает поэт:

Мир – это крепость на земле, стирает время письма.
В людской извечной кутерьме всему потеряна цена.
Где, торжествуя, жизнь цвела – пустыня мертвая видна,
Следов кочевий не найдешь – не вечен ты, не вечен ты!
Разлука – это злой недуг, беда тому, кто разлучен.
Будь справедлив и милосерд, пока ты молод и силен.
И жизнь засветится твоя, как будто ты огнем зажжен.
Как факел, светом изойдешь – не вечен ты, не вечен ты!
(«Не вечен ты». Перевод А.Тарковского)

Творчество Махтумкули богато и многогранно. Оно охватывает различные стороны жизни туркменского общества. Его песни – это как бы энциклопедия жизни народа. В них отражены исторические события, быт, нравы, законы, культурные традиции туркмен. Важна роль Махтумкули в туркменской литературе. Писатели последующих поколений осваивали, продолжали и развивали его традиции. Поэзия великого туркмена оказала определенное воздействие на творчество лучших каракалпакских поэтов XIX в. и узбекских народных шаилов.

История всемирной литературы: в 9 томах / Под редакцией И.С. Брагинского и других – М., 1983-1984 гг. Magtymgulyny öwreniş